

УДК 821.31 ГОНЧАРОВ

О КУЛЬТУРЕ ГЕРОЯ В ПОЗДНИХ ОЧЕРКАХ И.А. ГОНЧАРОВА

© Н.Л. Ермолаева

Ивановский государственный университет

Поступила в редакцию 10 сентября 2012 года

Аннотация: В статье раскрывается отношение И. А. Гончарова к проблеме культуры в современном ему обществе. Анализируя поздние очерки («Литературный вечер», очерковый цикл «Слуги старого века»), автор статьи утверждает, что в них, как и в других произведениях писателя, социологическая характеристика персонажа чаще всего заменяется характеристикой его личностной культуры.

Ключевые слова: гончаровская эпоха, светское воспитание, классическое образование, отношения народа и образованных сословий, культура героя, литература для народа, новые тенденции в творчестве.

Abstract: The article reveals I. A. Goncharov's attitude to the problem of culture in his contemporary society. Analyzing his late essays ("Literaturny Veчер" ("Literary Soiree"), series of essays "Slugi starogo veka" ("Servants of Old Century")) the author of the article states that in these works, as in many other works of the writer, sociological characteristic of a literary character is most frequently replaced by the characteristic of his/her personal culture.

Key words: Goncharov's time, secular upbringing, classical education, relationships of common people and educated society, culture of a character, literature for common people, new trends in the creative work.

В гончаровскую эпоху, эпоху перемен в жизни русского общества, необычайно актуальной оказывается проблема культуры. И. А. Гончаров особенно обострённо осознаёт её значимость как в отношении ко всему обществу, так и к отдельной личности: для него эта проблема начиналась с самого себя. Мальчику из купеческой семьи стоило немалых трудов воспитать в себе качества, соответствовавшие представлениям о «порядочном человеке», черты которого в людях «порядочного» общества — в дворянах — закладывались с младенческих лет. Об этом с большой горечью Гончаров писал из кругосветного плавания своему приятелю И. И. Льховскому 22 июля 1853 года: «Преимущества Ваши состоят между прочим и в том, что Вы сознательно воспитывались и сохранили в себе, по прекрасной ли своей аристократической натуре, или по обстоятельствам, первоначальную чистоту — этот аромат души и сердца, а я, если б Вы знали, сквозь какую грязь, сквозь какой разврат, мелочь, грубость понятий, ума, сердечных движений души проходил я от пелён и чего стоило бедной моей натуре пройти сквозь фалангу всякой нравственной и материальной грязи и заблуждений, чтоб выкарабкаться на ту стезю, на которой Вы видели меня, всё ещё грубого, нечистого, неуклюжего и всё вздыхающего по том светлом и прекрасном человеческом образе, который часто снится мне и за которым, чувствую, буду всегда гоняться так же бесплодно, как гоняется за человеком его тень.

Я должен был с невероятными трудами создавать в себе сам собственными руками то, что в других сажает природа или окружающие...» (8, 285)¹.

Не разделяя пристрастий демократически настроенной части интеллигенции, недворянин Гончаров всегда был на стороне светского, дворянского воспитания и образования. Во «Фрегате «Паллада» он скажет: «Светское воспитание, если оно в самом деле светское, а не претензия только на него, не так поверхностно, как обыкновенно думают. Не мешая ни глубокому образованию, ни даже учёности, никакому специальному направлению, оно вырабатывает много хороших сторон, не даётглохнуть порядочным качествам, образует весь характер и, между прочим, учит скрывать не одни свои недостатки, но и достоинства, что гораздо труднее. То, что иногда кажется врождённою скромностью, отсутствием страсти — есть только воспитание. Светский человек умеет поставить себя в такое отношение с вами, как будто забывает о себе и делает всё для вас, всем жертвует вам, не деля в самом деле и не жертвуя ничего... Всё это, кажется, пустяки, а между тем это придаёт обществу чрезвычайно много по крайней мере наружного гуманизма» (5, 48). Гончаров видит свою эпоху через культуру человеческой личности, героев своих произведений он характеризует не столько приметами социальными, сколько культурными.

Поздние очерки Гончарова представляют собой довольно пёстрое явление, до сих пор недостаточно изученное². Исследователи не склонны вписывать

© Н.Л. Ермолаева, 2012

их в литературный процесс эпохи. В. А. Недзвецкий, например, пишет, что для них «малопродуктивны сопоставления с жанрово-однородными произведениями шестидесятников (Н. Успенского, В. Слепцова, Ф. Решетникова, А. Левитова, Гл. Успенского), писателей-народников (Н. Наумова, П. Засодимского, Н. Златовратского), как и... Салтыкова-Щедрина в силу уже значительных мировоззренческих отличий романиста от этих авторов»³. Чаще всего учёные соотносят поздние очерки с литературой натуральной школы, хотя ещё А. Г. Цейтлин заметил, что «Май месяц в Петербурге» близок одновременно и «Ивану Савичу Поджабрину», и произведениям раннего А. П. Чехова⁴.

На наш взгляд, значимость поздних произведений Гончарова определяется не только их художественными достоинствами, которые неоспоримы, но и новыми тенденциями, обозначившимися в творчестве писателя, для которого, вопреки бытующему мнению, последние десятилетия жизни не были годами молчания. Он много размышлял о современной ему литературе, прекрасно улавливал тенденции её жанрового и идейного развития, в своих немногих и «незначительных» произведениях этим тенденциям соответствовал, а некоторым осознанно противостоял.

В очерке «Литературный вечер», в «Необыкновенной истории», как и в романе «Обрыв», Гончаров особенно заинтересованно говорит о духовной жизни современного общества, о его отношении к духовным ценностям, к личности и творчеству художника. Писатель видит, что с утратой уважительного отношения к образу жизни аристократии в 1860–1870-е годы общество теряет и уважение к серьёзному классическому образованию, нравственному воспитанию. Гончаров связывает эту проблему с образом Марка Волохова. В романе «Обрыв», в статьях «Предисловие к роману “Обрыв”», «Намерения, задачи и идеи романа “Обрыв”», «Лучше поздно, чем никогда» писатель противопоставляет Марка истинным героям эпохи, к каким относит Герцена и Белинского. В «Заметках о личности Белинского» романист защищает великого критика от упреков мемуаристов в малой образованности.

О современном состоянии литературы, духовной и бытовой культуре человека высказывается герой очерка «Литературный вечер» Чешнёв, прототипом которого принято считать Ф. И. Тютчева, но за которым стоит сам автор: «Давно пора было поднять копьё против буйного натиска на всё то, чем живёт и держится общество. <...> На человеческие приличия, уважение к человеческому достоинству, сдержанность, обуздание диких страстей — и вместе с этим, конечно, и на соответствующие формы общежития, на утончённость нравов, так же, как на чистый вкус и

здравые понятия... в искусствах! Словом, протест против всякой расшатанности и растрёпанности в людском обществе, против всякого звероподобия! <...> Человечество долгим и трудным путём достигало этих результатов, а тут вдруг явилось поколение, которое хочет стереть всё добытое тысячелетиями... И чт оно поставит на это место?» (7, 166). Гончаров отстаивает классическое образование как необходимый фундамент для каждого культурного человека. Об этом также говорит его герой: «Пусть волчица и не кормила Ромула и Рема, а всё-таки нельзя не выучить этой фабулы, — заметил Чешнёв, — вы без всего этого в жизни и шагу не сделаете! Пожалуй, забыть можно, но узнать нужно. Эти предания слились с историей. Мало ли вы выучиваете такого, что вам не понадобится потом в жизни; но всё изученное входит в плоть и кровь вашего нравственного, умственного и эстетического образования! Без этой подкладки древних классиков, их образцов во всё — смело скажу, человек образованным назваться не может» (7, 176).

Как следствие невнимания к классическому образованию, падения общей культуры Гончаров рассматривает то, что происходит в современном ему театре. В статье «Опять “Гамлет” на русской сцене» он сожалеет о том, что «нравы высшего по образованию, европейско-русского общества остаются почти неприкосновенными, ожидающими своего комика и трагика» (8, 198), что таким актёрам, как А. А. Нильский, сейчас нечего играть на сцене, так как его талант не соответствует тем амплуа, которые предоставляет современная драматургия. В статье «Миллон терзаний» Гончаров говорит о «порче вкуса» публики, о низкой актёрской культуре: «Большинство артистов не может также похвастаться... верным художественным чтением. <...> С русской сцены всё более и более удаляется это капитальное условие» (8, 78). Русские актёры не умеют верно читать пьесы Грибоедова, Мольера, Шекспира, Шиллера, «новые исторические драмы, как “Смерть Иоанна Грозного”, “Василиса Мелентьева”, “Шуйский” и др.» (8, 78). В обеих статьях Гончаров высказывает опасения за судьбу русского театра и в этом смысле непосредственно сходится с А. Н. Островским, который на протяжении всей своей жизни был обеспокоен репертуаром театров, вопросами воспитания и образования актёров.

В очерке «Литературный вечер» разворачивается спор вокруг романа из светской жизни. При его чтении присутствуют профессор, журналист, чиновник — светские люди. Каждый из них представляет определённый тип культурного сознания, в большинстве своём они далеки от народа, придерживаются в разной степени консервативных убеждений. На их фоне выделяется смелостью суждений выразитель демократических,

радикальных взглядов некто Кряков, названный в начале очерка газетным критиком. Его идейная позиция близка бунтарю Марку Волохову. Гончаров в речи Крякова вкладывает то политическое, идейное и общественное содержание, которое отражает сознание культурного типа «новых людей» 1860-х годов, нигилистов.

Этому типу соответствует и поведение героя. Не привыкший к комфорту, к общению в свете, герой смущён присутствием в богатом доме, где всё говорит об изысканном вкусе хозяина: «жал в руках серую мягкую шляпу и, по-видимому, не знал, что с собой делать» (7, 116), задел ногой за шипцы камина, которые упали с грохотом. Крякова возмущает содержание романа по той причине, что в нём обойдена жизнь трудящегося люда. Как только после окончания чтения герой начинает высказывать своё откровенное мнение об услышанном и оказывается, что оно расходится с мнением окружающих, некоторые из них желают дать ему «урок приличия» (7, 145). Однако герой отказывается ему следовать и говорит всё смелее и смелее. Присутствующих возмущает его дерзкое поведение, свидетельствующее, с их точки зрения, о недостатке культуры бытового общения. На Крякова смотрят «брезгливо» (7, 156), ему указывают на то, что «нравы обозначаются... очень живо и натурально» «при отсутствии воспитания» (7, 165). «Живое обозначение нравов» в образе Крякова подтверждается авторскими сравнениями: «как бульдог» (7, 158), «рычал, как лев» (7, 168), окружающие сравнивают Крякова с невоспитанным медведем (7, 167), с «паршивой» и «заблудшей» овцой (7, 183). Появление «звериных» черт в облике Крякова – свидетельство несоответствия поведения героя правилам приличия. Именно поэтому на его приглашение к себе один из гостей, «приятель Булгарина и Греча», после ухода Крякова заявляет: «Ещё приглашает к себе!.. Кто поедет к этакому уроду, куда-нибудь в трущобу, на чердак!» (7, 183). И все вместе решают поручить родственнику хозяина дома студенту Мите завести Крякову их карточки, таким способом желая продемонстрировать, что сами они соблюдают правила приличия даже в отношении к тому, кто несравненно ниже их и на социальной лестнице, и по уровню культуры.

Один Чешнёв, идейный оппонент героя на протяжении всего вечера, говорит, что для него Кряков – загадка, и оказывается прав. Очень скоро открывается, что Кряков – это актёр, специально приглашённый Митей для того, чтобы развлечь публику. Актёр даёт ей урок, наглядно доказывая, что «порядочность есть везде, она бывает и под армяком» (7, 159): денежный сбор за своё представление он жертвует в пользу славян (действие происходит во время войны на Балканах), и светские гости Уранова вынуждены признать, что этот честный труженик морально превзошёл их.

Создавая в последние годы жизни очерки «Слуги старого века», «Уха», «Превратность судьбы», писатель сталкивается с двумя новыми проблемами: народ как герой литературы и предназначенность литературного произведения народному читателю. Проблема культуры в его творчестве обретает новый разворот.

В июле 1887 года Гончаров получил приглашение Л. Н. Толстого участвовать в создании произведений для народа, но от этого приглашения отказался. О причинах отказа писатель сообщал Толстому в письме от 2 (14) августа 1887 года и в предисловии к циклу «Слуги старого века»: он никогда не испытывал особых симпатий к народу (в данном случае имеется в виду крестьянство. — *Н. Е.*) и не писал о нём, потому что не знал народ, не жил в усадьбе, не имел крепостных и не занимался сельскохозяйственными работами. Кроме того, в очерке «Валентин» из того же цикла, основываясь на наблюдениях за своим слугой, с великим удовольствием читавшим произведения, которые он не понимал, Гончаров делает во многом неожиданные для создателей народных книг выводы: «Я тут убедился в том, что наблюдал и прежде: что простой русский человек не всегда любит понимать, что читает. Я видел, как простые люди зачитываются до слёз священных книг на славянском языке, ничего не понимая, или понимая только “иные слова”, как мой Валентин. Помню, как матросы на корабле слушали такую книгу, не шевелясь по целым часам, глядя в рот чтецу, лишь бы он читал звонко и с чувством. Простые люди не любят простоты» (7, 197).

Гончаров был принципиально не согласен с Толстым в необходимости писать специально для народа, как когда-то, в 1850-е годы, был не согласен с В. Н. Майковым в том, что нужно писать для детей⁵. Свои поздние очерки писатель не рассчитывал на узкий круг читателей. В его представлении, всякая узкая предназначенность произведения означает его тенденциозность. Такую тенденциозность он видел в народных рассказах Толстого.

Однако в письме к Толстому Гончаров с похвалой отзывался о его народных рассказах «Чем люди живы», «Два старика», «Три старца», о пьесе «Власть тьмы»: в них *писателя* привлекли мастерство Толстого и нравственная тенденция. Гончаров *писал*: «Их и не простой народ прочтёт сквозь слёзы: так прочёл их я – и точно так же прочли их, как я видел, женщины и дети... Такие любовью писанные страницы есть лучшая, живая и практическая исповедь и толкование главной евангельской заповеди» (8, 497). Видимо, симпатия Гончарова к таланту Толстого породила и творческую рефлексию. Он много размышлял над предложением писателя и, хотя отказался от

него, в художественном творчестве на него ответил такими произведениями, как «Слуги старого века», «Уха» и «Превратность судьбы».

В цикле «Слуги старого века» самый актуальный для народных рассказов Толстого вопрос: отношения народа и образованных словесий — из сферы социальной Гончаров переводит в сферу личной и бытовой культуры и нравственности. В очерке «Валентин» слуга писателя (рассказчик представлен в цикле как автор «Обломова») выглядит комически⁶ по причине завышенной самооценки, право на которую не даёт ни внешность, ни личностная культура: «низенького роста, плешивый», у него «маленький, едва заметный, величины и цвета вишни, нос, голубые, без всякого оттенка глаза и яркий старческий румянец на щеках. <...> Он вошёл, поклонился, кокетливо шаркнул ножкой, которую тотчас поднял немного, прижал к другой ноге» (7, 189–190). Комичны манеры, одежда героя: «шмыгал... по комнатам, как воробей, ступая на одну ногу легче, нежели на другую, едва касаясь ею пола... чтоб придать своей походке некоторую грацию... был кокетлив, носил розовые и голубые шейные косынки, вышитые манишки с розовой подкладкой, цветные воротнички. В кармане он держал миниатюрное зеркальце с гребёнкой, и я зачастую заставлял его, что он глядится в него и старается собрать жидкие космы волос с затылка и висков воедино. Проходя мимо зеркал в моих комнатах, он непременно поглядится в них и иногда улыбнётся» (7, 190). Такое поведение героя, конечно, не соответствует ни нравственной норме, ни строгим понятиям о приличии.

В очерке изображаются конфликтные отношения между бариним и слугой, возникшие в результате вмешательства повествователя в сферу интеллектуальных, культурных интересов и понятий Валентина, который по ночам читает стихи В. А. Жуковского, не понимая их смысла, но комически декламируя и жестикулируя при чтении. Барин пытается объяснить ему прочитанное, и тогда обнаруживаются непомерные амбиции слуги, его чувство превосходства над бариним. Защищая собственное убеждение: стихи не обязательно понимать, а смысл того, что содержится в «Покалипсе» (Апокалипсисе. — Н. Е.), не может быть понятен человеку, к какой бы среде он ни принадлежал, — слуга становится агрессивен, он задаёт барину «едкие» вопросы, смеётся над ним визгливым, «пронзительным» смехом, «не на шутку» сердится, насмешливо поучает его. При этом Валентин опирается на культурный опыт и знания той среды, в которой воспитан: он склонен доверять народной мудрости больше, чем хозяину, образованному человеку, писателю. В подтверждение своей уверенности он рассказывает притчу: «Полноте,

грех, сударь!.. Дьякон или священник всю жизнь церковные книги читают — кому бы и понимать, как не священству? А вот никто не понимает. Один только святой схимник был: он в киевских пещерах спасался, тот понимал. Один! Все допытывались от него, и сам митрополит уговаривал, да никому не открывал. Перед кончиной вся его братия три дня на коленях молила открыть, а он не открыл, так и скончался. А вы — понимаете!» (7, 195). Валентин с пренебрежением и высокомерием относится к произведениям русских писателей, доступным народному пониманию. По поводу одного из таких стихотворений А. С. Шишкова он брезгливо замечает: «Это каждый мальчишка поймёт или деревенская баба!» (7, 193).

Гончаров смеётся над любовными похождениями Валентина. В них в большой степени раскрывается внутренний мир этого недалёкого и амбициозного человека, всегда и во всём подчёркивающего собственное превосходство над людьми своего круга. Герой этот являет собой своеобразный тип «мещанина во дворянстве», внешне напоминающего «сатира». Он убеждён, что простые горничные и швеи «за честь должны считать» (7, 198) знаки внимания с его стороны, его «канплименты» в их адрес, «благородное и деликатное» обращение с ними. Эти качества характера Валентина возмущают и отталкивают от него женщин. Их культурный уровень отражается в речи. Образ девушки с растрёпанной косой автор создаёт в нескольких репликах. Она жалуется барину на Валентина: «Да вот сейчас, когда я мимо ваших дверей по лестнице шла, он подкараулил — и цап меня за шею, хотел обнять... Да не таковская: я не далась, попятилась. Вон извольте посмотреть: коса у меня свалилась, и платок с шеи... Не прикажите ему озорничать! Я живу скромно, все знакомые мои и в доме здесь тоже меня знают честной, аккуратной девушкой: могут, пожалуй, подумать, что я нарочно слушаю его “канплименты”...» (7, 199).

Культура хозяйки прачечного заведения открывается в её письме: «“Милостивый Государь, — читал я, — Ваш лакей Валент самый низкий мужчина: он всё таскается под окнами у нас и какетничает с моими мастерицами, мешает им и делает разные низости: вон какую записку он подал Лизе — извольте прочитать. Мы просим вас унять его. Если он не перестанет какетничать, ходить под окна и бросать записки — я тогда приду сама и раздеру ему всю лицо».

Готовая ко услугам Анна Прохорова прачечная хозяйка”.

Под фразой: “раздеру всю лицо” — была другая зачёркнутая редакция: “раздеру ему поганую харю”. Должно быть, эта фраза показалась ей грубою относительно меня и она из учтивости смягчила её» (7, 200).

Автор постоянно вводит в цикл свидетельства культурного противостояния барина и слуги. Вот, например, тетрадка Валентина с названием «Сенонимы», в которой рядом поставлены слова «конституция и проституция», «нумизмат и кастрат» (7, 196), или письмо героя к очередной его избраннице: «О милое творенье, прости мне восхищенье, Лизок, голубочка, ангел, чмок, чмок тебя. Приди, серафима моя, на второй двор под ворота. Принесу гостинцев много, много и подарочек, чмок! чмок!» (7, 200). Повествователь выступает в очерке как носитель высокой культуры, который не только смеётся над Валентином, но и сочувствует ему, видит и положительные черты его характера (трезвость, честность, исполнительность), и драматичные стороны его личности.

В других очерках цикла («Степан с семьёй», «Антон») Гончаров показывает возможность взаимопонимания между бариним и слугой. Честность, совестливость, доброжелательность, проявленные с обеих сторон, помогают преодолеть существующие культурные и социальные преграды между героями. Основанием для сближения барина и слуги может служить и общая вера: рассказчик с удовлетворением отмечает, что Степан и всё его семейство — верующие люди. Вера воспринимается автором в качестве залога их нравственности. Однако главной преградой на пути к пониманию и мирному сосуществованию становится общий порок слуг — пьянство.

В цикле «Слуги старого века» слуги помещены Гончаровым в бытовую обстановку: на фоне быта протекает их жизнь, раскрываются и, как правило, бытом ограничиваются их духовные запросы, жизненные устремления. Среди слуг особого авторского внимания заслуживает лишь один — мечтающий об освобождении из крепостной зависимости Матвей. Через глубочайшее сочувствие этому смешному и жалкому человеку Гончаров передаёт ощущение собственной духовной причастности к его жизненным устремлениям. Интересно, что и на бытовом уровне в культурном отношении между ними есть равенство: слуга угощает барина своими припасами, приготовленными для пасхального стола, и автор с удовольствием отмечает их прекрасный вкус. И хотя Матвей — католик, человек иной веры, он говорит вместо «генерал» «винерал» и у него «своеобразная» орфография («Он признавал буквы ять и ы, но никогда не употреблял их, где надо...»; 7, 231), хотя он «не мог входить» в другие

интересы писателя, кроме материальных, повествователь «благословлял случай, пославший» ему «такого друга — слугу» (7, 234). Возвышая образ героя, Гончаров использует в очерке сравнение его с Дон Кихотом.

Казалось бы, последний очерк цикла «Слуги старого века» — о возможности для человека образованного и его слуги стать истинными друзьями, проявляющими друг к другу взаимную симпатию, уважение и доверие, однако этот факт — скорее исключение из правила, чем явление, подтверждающее его. Возможность духовного единения людей разной культуры для Гончарова по-прежнему проблематична.

Заключая, хотела бы сказать о том, что в поздний период творчества Гончаров проявляет явную и значительную заинтересованность в вопросе о культуре человека в современном обществе. Этот интерес нашёл отражение и в творчестве писателя: в поздних очерках социологическая характеристика персонажа чаще всего заменяется характеристикой его личностной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 8 т. М. : Правда, 1952 (Библиотека «Огонёк»). Здесь и далее тексты произведений И. А. Гончарова цитируются по этому изданию с указанием в скобках тома и страницы.

2. Видимо, по этой причине можно встретить различное толкование смысла одного и того же произведения в работах одного автора. Очерк «Уха», например, в статье В. И. Мельника «Народ в творчестве И. А. Гончарова (К постановке вопроса)» истолковывается как «происшествие в духе ренессансной новеллы» (Русская литература. 1987. № 2. С. 59), а в статье «О последних новеллах И. А. Гончарова (проблема религиозного смысла) // И. А. Гончаров. Материалы междунар. науч. конф., посв. 195-лет. со дня рожд. И. А. Гончарова. (Ульяновск, 2008. С. 244) и в книге «Гончаров и Православие: Духовный мир писателя» (М., 2008) — как произведение, в котором «скорее всего, речь может идти совсем не об авантюрном любовном приключении, но о... проповеди».

3. См.: Недзвецкий В. А. Гончаров — романист и художник. М., 1992. С. 145.

4. См.: Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М., 1950. С. 299.

5. См. об этом в письме Гончарова В. Н. и Ек. П. Майковым от 9 (21) августа 1860 года.

6. О комическом в цикле см.: Багаутдинова Г. Г. Комическое как средство выражения авторской позиции в «Слугах старого века» И. А. Гончарова // И. А. Гончаров: Материалы междунар. науч. конф., посв. 195-лет. со дня рожд. И. А. Гончарова. Ульяновск, 2008. С. 253-260.

*Ермолаева Н. Л. Ивановский государственный университет/ Доцент кафедры русской словесности и культурологии.
E-mail: ninaermolaeva1@yandex.ru*

*Ermolaeva N. L. Ivanovo State University. Docent of the Chair of Russian Literature and Culturology
E-mail: ninaermolaeva1@yandex.ru*